
УДК: 911.53:911.375.5(470–25)

Лебедева Н.А.¹⁾, Митин И.И.²⁾

**ОТ ГОРОДА К ЭКЗОПОЛИСУ? ГОРОДСКОЙ
КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ГУМАНИТАРНОЙ
И КРИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ¹**

¹⁾ ГБУК г. Москвы «ЦУНБ им. Н.А. Некрасова», Россия, Москва,
lebedeva.nadehda@gmail.com

²⁾ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Россия, Москва, *imitin@hse.ru*

Аннотация. Культурный ландшафт – важнейшее понятие культурной географии, содержание которого трансформируется в ходе развития науки и общества. В статье рассмотрен переход от новой культурной и гуманитарной географии с их представлением о культурном ландшафте как презентации (информации, представлении о месте) к критической географии. В рамках последней культурный ландшафт предстает как totally урбанизированное третье пространство – проживающий ландшафт изменчивости, соединяющий в себе физическое, ментальное и социальное пространства. Среди новых форм проявления постсовременных культурных ландшафтов рассмотрен пример инновационного центра «Сколково» как экзополиса.

Ключевые слова: городской культурный ландшафт; третье пространство; (пост) современное городское пространство; экзополис; инновационный центр «Сколково».

Поступила: 13.09.2018

Принята к печати: 27.09.2018

¹ © Н.А. Лебедева, И.И. Митин, 2019

Lebedeva N.A.¹⁾, Mitin I.I.²⁾

From city towards exopolis?

Urban cultural landscape in critical geography & geohumanities

¹⁾ Research associate, Nekrasov Central Universal Scientific Library,
Russia, Moscow, lebedeva.nadehda@gmail.com

²⁾ National Research University «Higher School of Economics»,
Russia, Moscow, imitin@hse.ru

Abstract. Cultural landscape is a key concept within cultural geography, whose meaning changes in the course of social and scientific development. The paper discusses the shift from new cultural geography and Russian geohumanities regarding cultural landscape as a representation towards critical geography. The latter describes cultural landscape as a totally urbanized thridspace, lived and differentiated landscape combining physical, mental and social spaces. The paper presents the case study of Skolkovo Innovation Centre in Moscow which can be seen as an exopolis – a new urban form of postmodern cultural landscape.

Keywords: urban cultural landscape; thridspace; postmodern urban space; exopolis; Skolkovo Innovation Center.

Received: 13.09.2018

Accepted: 27.09.2018

Введение:

Культурный ландшафт на пути к критической географии

Понятие *культурного ландшафта* в течение XX в. претерпевало колоссальные изменения. Классическое представление о том, что «культура – это [действующий] агент, природный ландшафт – это материал [medium], культурный ландшафт – это результат» [Sauer, 1963, р. 343] или, иными словами, что сами культурные ландшафты есть «закономерные группировки предметов органического и неорганического мира на поверхности земли» [Берг, 1915, с. 469], «в которых человек или произведения его культуры играют важную роль» [там же, с. 471], ставятся под сомнения в 1960–1970-х годах в связи с так называемым культурным поворотом и возникновением новой культурной географии [Митин, 2011 б, 2012 б].

Новая культурная география критикует классические подходы к культурному ландшафту за то, что они «фокусировали свои исследования на материальных артефактах, создавая любопытный и фундаментальный “объектный фетишизм” из домов, сараев, заборов и заправочных станций» [Price, Lewis, 1993, р. 3]. Представ-

ление ландшафта через осмысление, означивание, символизацию становится впоследствии ключевым элементом трансформации этого важнейшего понятия культурной географии [Brace, 2003; Robertson, Richards, 2003; Rowntree, Conkey, 1980]. Л. Роунтри и М. Конки рассматривают культурный ландшафт как «информацию, сохраненную в символической форме, <...> <которая> отчасти функционирует как нарратив» [Rowntree, Conkey, 1980, р. 461]. При этом «символические качества ландшафтов – те, что создают социальные значения – оказываются в фокусе исследований» [Cosgrove, Jackson, 1987, р. 96].

Новой гранью культурного ландшафта как *места* становится процесс его конструирования человеком. «Пространство трансформируется в место как только получает определение и значение» [Tuan, 2002, р. 136], – замечает И-Фу Туан. «Главный концепт здесь – это “значение”, и, в самом деле, “место” может быть переосмыслено как нечто, пробуждающееся к существованию через человека, и именно человеком локальность наделяется значением» [Jeans, 1979, р. 207–208]. Культурный ландшафт конструируется человеком посредством означивания: «Создать (to make) место – значит окружить локальность человеческим значением» [ibid., р. 209].

Культурный ландшафт предстает как текст (совокупность знаков и значений, которую можно «читать» и «писать»), как конструируемое и сконструированное значение, как представление о пространстве, как значение, которым люди наделили конкретное место. Сложившаяся в результате культурного поворота трактовка культурного ландшафта очень близка таковой в российской гуманитарной географии [Митин, 2011 а, 2012 а].

Однако в англо-американской географии в конце 1990-х – начале 2000-х годов сама культурная / гуманистическая география теряет популярность в связи с развитием так называемой *критической географии* [Cultural... 2005] (выросшей к тому времени из *радикальной географии* [Harvey, 1973; Massey, 1984; Smith, 1984; Thrift, 2006]). Критики указали на избыточное «увлечение» гуманистической географии репрезентациями в ущерб материальности ландшафтов и изучение geopolитических образов власти вместо повседневных практик людей. В этом контексте вся занятая представлениями культурная / гуманистическая география интерпретируется как своеобразная «геополитика», поставленная властью на

службу своим корыстным интересам посредством СМИ [Lacoste, 1976, 2000]. Эти процессы вызывают к жизни тенденцию к рематериализации географии [Lees, 2002], в исследовательском фокусе которой оказываются проявляющиеся географически проблемы неравенства в пространстве, повседневная жизнь («практики») сообществ людей, их самоорганизация в пространстве и самоконструирование мест обычными людьми [Митин, 2014], созвучное «праву на город», провозглашенному еще А. Лефевром [Lefebvre, 2000, р. 63–184].

Мы выделяем следующие *тенденции*, трансформирующие понятие культурного ландшафта в критической парадигме:

- 1) отказ от гипертрофированного внимания к презентациям, визуальным и ментальным образам, символическим значениям пространства (культурные ландшафты, а не географические образы);
- 2) идеологический отказ от участия в государственном планировании, разработках прикладной геостратегии государств;
- 3) внимание к проявляющимся географическим проблемам неравенства – социального, политического, межэтнического, межконфессионального и др.;
- 4) внимание к гражданским (негосударственным) инициативам по преобразованию пространства как на глобальном (например, экологические, антиглобалистские, феминистские движения), так и на региональном и локальном уровнях;
- 5) методологический акцент на исследования конкретной деятельности («практик», «повседневности») сообществ людей (особенно меньшинств, например, этнических, социально-профессиональных, связанных с сексуальной ориентацией) по самостоятельной организации пространственных взаимоотношений в локальных городских сообществах;
- 6) использование и разработка исследовательских методик качественной социологии, направленных на выявление повседневных практик людей в пространстве (кейс-стади, включенное наблюдение, визуальные методы и др.);
- 7) преимущественно микрogeографический, локальный масштаб исследований в городской среде.

Современный городской культурный ландшафт, соответственно, анализируется и интерпретируется совершенно по-новому. Лишенный подавляющего давления власти и государства, «в отрыве» от четких иерархических структур (как природных, так и

социальных), он становится противоречивым, многослойным и многоголосым, проживаемым в множественных реальностях. Культурный ландшафт предстает как totally городской *ландшафт-палimpseст* и *ландшафт-интертекст*. В то же время изучение именно повседневной деятельности в культурном ландшафте и особенностей жизни в нем людей позволяет говорить о выходе «за пределы» текстуальной интерпретации города.

В соответствии с обозначенной логикой трансформации культурного ландшафта (и как понятия, и как феномена) далее в настоящей статье мы сначала рассмотрим актуальные концепции, объясняющие представление о пространстве и городском культурном ландшафте сегодня, а затем приведем результаты эмпирического исследования [Лебедева, 2017] постсовременного городского культурного ландшафта инновационного центра «Сколково» в Москве.

Третье пространство

Идея пространства как совокупности трех измерений возникает в работах французского философа Анри Лефевра и позже получает развитие в концепции «третьего пространства» (*thirdspace*) американского географа Эдварда Соджи. Эти разработки призваны преодолеть «двойную иллюзию» [Lefebvre, 1991, p. 27], которой были подвержены социальные науки. Суть иллюзии, согласно А. Лефевру, состоит в сведении исследовательской оптики только к «реальным», т.е. эмпирически наблюдаемым объектам, либо к представлениям о них или «воображаемым» объектам.

Пространство реальных объектов – *первое* пространство – предполагает фокус на физических свойствах: расположении, оформлении объектов, особенностях мест и возникающих в них ситуациях. Так как наблюдаемые в нем объекты или процессы фиксируются с помощью органов чувств, А. Лефевр обозначает это пространство как «воспринимаемое» (*perceived*) [ibid., p. 14].

Исследования воображаемого – или *второго* пространства – сосредоточены на презентациях пространства: образах, смыслах, значениях, которые люди с ним связывают. Под сомнение попадает объективность реального пространства, и возникает вопрос о том, каким образом различные точки зрения (идеи, принципы, концеп-

ции и др.) влияют на восприятие человеком окружающего мира. В этом пространстве формируется доминирующая идеология, которая определяет отношения людей к пространству и по поводу него. В терминологии А. Лефевра это пространство определяется как «понимаемое» (conceived) [Allen, 1999, p. 262].

Сегодня двух – часто взаимоисключающих – подходов становится недостаточно. Развитие Интернета, средств массовой коммуникации, электронных медиа влечет значительные трансформации повседневной жизни. Появляется новая – виртуальная – реальность, а вместе с ней исчезает граница между тем, что было принято считать «реальным» и «воображаемым». Отличие между ними перестает быть значимым и даже фиксируемым.

На смену фактам и смыслам как объектам исследования, согласно теоретику постмодерна Жану Бодрияру, приходит *симулякр* – копия копии – означающее, для которого не имеет значения наличие референта. «Речь не идет больше об имитации, ни о дублировании, ни даже о пародии. Речь идет о замене реального знаками реального, т.е. об операции устрашения всего реального процесса его операционным дубликатом, метастабильной знаковой машиной, программатичной, безупречной, которая дарует все знаки реального и минует при этом все перипетии» [Бодрияр, 2013, с. 11].

Для дальнейшего исследования процессов, описанных Ж. Бодрияром, Э. Соджа предлагает концепцию *третьего пространства*, которое вбирает в себя физическое и ментальное. В третьем пространстве неразрывно сосуществуют материальное и ментальное, соединение которых происходит в повседневной жизни людей [Soja, 1996, p. 65]. Третьему соответствует пространство, обозначенное А. Лефевром как «проживаемое». Это пространство, где жители в процессе повседневных практик подчиняются господствующему социальному порядку или оспаривают его [Трубина, 2011, с. 426]. Воплощение в пространстве социального порядка, согласно Мишелю де Серто, происходит в результате стратегий – действий властей, планировщиков или девелоперов – «сильных» групп, обладающих ресурсами. Стратегиям противостоят пространственные тактики – хитрости и уловки, которые изобретают жители, чтобы обходить установленные модели поведения, переопределять и присваивать пространство [Серто, 2013, с. 101].

Так, концепция третьего или проживаемого пространства в контексте городских исследований переосмыслияет суть городского ландшафта: он не существует сам по себе, а формируется под влиянием социальных процессов, намерений и действий различных акторов и в то же время сам оказывает на них влияние [Buser, 2012, p. 281].

Тотально урбанизированное пространство

Пространственный – или урбанистический – поворот, согласно А. Лефевру, происходит вместе с *урбанистической революцией*. Этим термином А. Лефевр обозначает трансформации, происходящие в современном обществе, связанные, в частности, с нарастающей экспансией городского пространства. В результате урбанистической революции окружающая человека действительность превращается в *тотально урбанизированное пространство*. Его ключевая особенность состоит в повсеместном распространении городской среды, которая теперь означает не только застроенное пространство города: загородные дома, шоссе и супермаркеты в сельской местности – все это части городской среды [Lefebvre, 2003, p. 3–4].

Ход урбанистической революции А. Лефевр изображает как движение вдоль горизонтальной оси от положения «0%», т.е. природного ландшафта к положению «100%» – тотально урбанизированному пространству. При этом город проходит стадии политического, меркантильного (или торгового), индустриального города, и, наконец, достигает *критической зоны*. Последняя, согласно А. Лефевру, – фаза, в которой находится сегодняшнее общество. Она характеризуется концентрацией городов, оттоком населения из сельской местности, разрастанием городской среды и полным подчинением сельского ландшафта городскому [ibid., p. 15].

До сих пор критическая зона была для исследователей «черным ящиком»: известно, что в нем находится, и иногда можно видеть последствия, но не известно, что происходит внутри [ibid., p. 17]. Задача исследователей в такой ситуации – определять и описывать процессы урбанизации, объяснять, что происходит с формой и функциями города с переходом от первых городов к тотальному урбанизированному пространству. Для реализации этой

задачи требуются аналитические инструменты, способные обозначать новые этапы в развитии городского пространства и объяснять происходящие с ним перемены.

Город в третьем пространстве: на пути к экзополису?

Исследовательский вызов, сделанный А. Лефевром, находит отражение в работах Э. Соджи [Soja, 1996, 2000]. Чтобы обозначить отличие современного городского пространства от его прежних форм, Э. Соджа предлагает термин «*постмегрополис*». Морфологически термин образован по аналогии с принятым обозначением процессов, происходящих в современном мире – с приставкой «пост», указывающей не на полный разрыв с прошлым, но на значительный отход от прежнего образа мыслей и практик [Soja, 2000, р. 13]. Ключевое отличие постмегрополиса от прежних городских форм, на которое указывает Э. Соджа, – *отсутствие четкой границы между реальным и воображаемым, объективным и субъективным*. Теряют значение привычные дихотомии «городское – сельское», «центр – периферия».

Город больше невозможно представить как замкнутое образование и охарактеризовать с помощью универсальных географических, экономических, политических и социальных показателей [ibid., р. 150]. Размывание границ между реальным и воображаемым, оригиналом и копией ведет к возникновению новых или – точнее – *постгородских* форм.

Облик новых постгородских ландшафтов определяют процессы, происходящие в постсовременном обществе. Переход к постфордистской экономике, основанный на создании «уникальных» вещей взамен массовому производству, ведет к появлению постфордистских городов; в результате культурной глобализации появляется *космополис*; возрастающая роль киберпространства порождает *симсити* [ibid., р. 155].

Одной из разновидностей новых городских пространств, которой Э. Соджа уделяет особое внимание, становится *экзополис*. Приставка «экзо» здесь одновременно означает, что пространство физически находится *за пределами* традиционного города и что оно сформировано под воздействием «*внешних сил*» [ibid., р. 250].

Идея экзополиса тесно переплетается с тезисом Ж. Бодрийара о тотальном проникновении в повседневность виртуальной или гиперреальности [Бодрийар, 2013]. Экзополис – это *город-симулякр*, в котором произошло смешение реального и воображаемого. Сам экзополис – копия копии или презентация *третьего* порядка. Такие места, как музеи восковых фигур, тематические парки, парки развлечений, самый известный пример которых – Диснейленд, – это продукты *второго* этапа: в них разница между реальностью и фантазией лежит на поверхности и выступает основополагающей идеей. Принимая решение посетить такие места, люди осознают это различие и желают намеренно оказаться в «волшебном», несуществующем в реальной жизни мире. В третьем пространстве *не проводится различие* между «реальной» жизнью и придуманными мирами. Человек больше не принимает решение о том, чтобы посетить придуманные места, он находится в них *постоянно* в своей повседневной жизни [Лебедева, 2017].

Экзополис – это не копия, неотличимая от оригинала: экзополис стремится воплотить в себе основные черты традиционного города, но в то же время он обладает рядом свойств, позволяющих классифицировать его как новый – специфический и самостоятельный – тип городского пространства. Экзополис характеризуется как *место, в котором все возможно и ничто не реально*.

Основные признаки, выделяющие экзополис среди других урбанизированных ландшафтов, – это специфическая городская *форма* и культура *потребления*, искусственный характер происхождения и, как его результат, *отсутствие истории*.

Что касается возникновения новой городской *формы*, экзополис не обладает привычной структурой города, где в центре сосредоточены деловые и общественные функции, а ближе к периферии – спальные районы. В нем стирается привычная граница между центром и периферией; свойство *центральности* может быть присуще любому объекту или месту.

Новая культура *потребления* проявляется в том, что экзополисы, заявляющие о себе как о городах будущего, достижениях цивилизации, требуют соответствующего уровня от своих обитателей. Сфера услуг, существующая в экзополисах – спортивные залы, бассейны, игровые площадки, парки, рекреационные центры, – рассчитана на определенный тип потребителя и в то же время сама создает его. Обитатель экзополиса – человек, который живет

согласно самим высоким стандартам: он счастлив, здоров, стремится предоставить хорошее образование и обеспечить насыщенный досуг своим детям. Все это оказывает давление на тех, кто не соответствует такому портрету потребителя [Soja, 1996, р. 268].

Внеисторичность – важное свойство экзополиса. Кажущееся всемогущество и абсолютная свобода, доступные в экзополисе, серьезно ограничиваются отсутствием у такого ландшафта своей истории. Возникая под действием внешних сил, экзополис «пропускает» основные исторические этапы: от основания, через экономические, политические, социальные трансформации к современному состоянию, с известными личностями, памятными местами и датами.

Внеисторичность экзополисов носит противоречивый характер. С одной стороны, сущность экзополиса заключается в разрыве с прошлым. В экзополисе, как в гиперреальном пространстве, декларируется безграничность возможностей, способность создавать любые смыслы и формы, в том числе с помощью высоких технологий. Мир, существующий до или вне экзополиса, воспринимается как менее развитый, отстающий, и поэтому отвергается. Демонстрировать рождение нового мира в экзополисе призваны всевозможные культурные события – опера, балет, симфонический оркестр, мюзиклы, фестивали [ibid., р. 263]. С другой стороны, *внеисторичность* создает проблему отсутствия оснований для возникновения идентичности, чувства укорененности и принадлежности людей месту. Экзополисы не наполнены субъективными смыслами, значениями, которые обычно люди придают *местам* в процессе повседневной жизни (см. выше).

Приведенный набор признаков позволяет различать и описывать такой тип постсовременного ландшафта, как экзополис. Вместе с подходами А. Лефевра и М. де Серто, теория постсовременных ландшафтов Э. Соджи образует методологическую основу для настоящего исследования (см. рис. 1).

Приведенная методологическая схема призывает сосредоточиться на исследовании новых городских ландшафтов как одновременно материального, ментального и проживаемого пространства. Такое пространство производится в результате стратегий «сильных» групп и оспаривается жителями в процессе реализации тактик. Применение этой методологии для изучения конкретного (пост) городского ландшафта дает возможность увидеть, какие изменения происходят с городами, что представляют собой новые

городские пространства и каковы характеристики, отличающие их от прежних городов.

Рис. 1.

В поисках экзополисов

В totally урбанизированном ландшафте совершенно по-новому осмысливается тема урбанизации, субурбанизации и рурбанизации. В гиперреальности современных урбанизированных территорий в результате множественных (ре) интерпретаций и наслонений возникают *негородские, недогородские и постгородские* формы расселения, для характеристики которых экзополис Э. Соджи представляется удачным неологизмом.

В самом деле, примеры экспансии городской среды и ее трансформации с переходом от модерна к постмодерну часто можно наблюдать в окружающей действительности. Разрастающиеся на сельских территориях и слабо освоенных городских окраинах урбанизированные ландшафты – микрорайоны жилья, территории торгово-развлекательных комплексов – давно привычное явление.

В поисках экзополисов в российской действительности идеальным полигоном для изучения становится так называемая Новая Москва – территории, присоединенные к г. Москве административным путем в 2012 г. Большая часть этих территорий входила в Ленинский, Наро-Фоминский и Подольский районы Подмосковья. Они были в транспортном, миграционном, властно-иерархическом и символическом отношении разъединены между собой и ориентированы на свои районные центры. Новая Москва в контексте изменившихся границ города в целом представляется как огромная, сравнительно неосвоенная, хаотично застраиваемая, сохранившая многие природные черты территории, связи которой с историческим ядром столицы носят заметный иерархический центр-периферийный характер. В то же время актуализируется представление о Новой Москве как вместилище потаенных смыслов, неизвестных объектов и потенциальных точек роста, а также поле для нового конструирования внутренних связей и выстраивания внутренней иерархии между разрозненными поселениями Новой Москвы [Митин, 2015].

В общероссийском масштабе темпы прироста численности населения в Новой Москве сопоставимы разве что с северокавказскими: за последние семь лет число жителей увеличилось только по официальным данным (без учета дачного временного населения) на 35%. При этом формально сельская территория практически полностью – за исключением разве что четырех самых удаленных поселений – утратила руральный статус и образ жизни, превратившись в бесконечную череду стройплощадок, коттеджных поселков и новых микрорайонов многоэтажек.

Именно это активное заселение – если не сказать колонизация – территории становится одним из ведущих факторов, определяющих конструирование новых городских смыслов в условиях почти полного отсутствия культуры укорененности.

К менее исследованной форме постгородских пространств принадлежат *инновационные кластеры* – новые «совершенные» городские пространства, объединяющие в себе науку, производство, бизнес и вместе с тем предлагающие полноценную городскую инфраструктуру – жилье, транспорт, образование и досуг. Такие кластеры возникают по всему миру: *Cyberport* в Гонконге, *Songdo* в Южной Корее, *Cyberjaya* в Малайзии, инновационные кластеры в Португалии, Индии, Сингапуре, Объединенных Арабских Эми-

ратах [Smart... 2018, р. 129]. Россия дополнила этот список в 2012 г. после принятия закона от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”».

В самом деле еще более близкий, нежели основная территория Новой Москвы – нынешние Троицкий и Новомосковский административные округа столицы, – к исходному примеру Э. Соджи случай потенциального экзополиса предлагает также присоединенная в 2012 г. территория инновационного центра «Сколково». Этот своеобразный «город в городе» претендует на статус уникального в градостроительном отношении «города будущего» со специфическими условиями повседневной жизнедеятельности в контексте российского законодательства и социальной структуры.

Сколково как экзополис

Идея создания Сколково была впервые обозначена в программной статье Д.А. Медведева 2009 г. «Россия, вперед!». В ней автор декларирует необходимость модернизировать экономику России, освободить ее от ресурсной зависимости и выдвинуть в один ряд с экономиками развитых стран [Медведев, 2009]. Сейчас Сколково презентует себя не только как научно-предпринимательский кластер, но и как город будущего, пространство, где создается комфортная городская среда, воплощаются урбанистические идеалы [Лучшее... 2015].

Взгляд на Сколково как третье пространство дает возможность на примере инновационного кластера увидеть, что представляет собой городское пространство, возникающее на современном этапе, и каковы его отличия от прежних городских форм.

Исследовательские материалы для настоящей работы собирались в течение 2016–2018 гг. в рамках разработки и актуализации проекта экскурсий, осуществляемых по заказу фонда «Сколково». Собственно эмпирическое исследование инновационного центра поводилось в феврале – июне 2017 г. Основными методами сбора данных стали интервью с «создателями» и «обитателями» центра, анализ документов и полуформализованное наблюдение. «Создателями» Сколково в исследовании обозначены представители специальной организации, созданной с целью развития и управления территорией, – Некоммерческой организации «Фонд

развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий» (далее – Фонд). К «обитателям» территории мы относим студентов Сколковского института науки и технологий (далее – Сколтех), а также резидентов – сотрудников инновационных компаний, получивших статус участника ИЦ «Сколково» и арендующих офисы или лаборатории в одном из зданий на территории инновационного центра.

Сначала рассмотрим *физическую пространство* Сколково. Инновационный центр возник между населенными пунктами Сколково, Мамоново и Новоивановское Одинцовского района Подмосковья, при этом его территория не была селитебной, а с 2012 г. административно подчинена городу Москве. ИЦ «Сколково» появляется не на базе существующего университета, научного кампуса или бизнес-инкубатора, а начинает свое развитие практически с «чистого листа». Инновационный центр вторгается в пространство совершенно иного характера – слабо урбанизированную территорию, где располагаются загородные дома, не связанные с инновациями или наукой.

Пространство Сколково обнесено ограждением, отделяющим его от прилегающих земель. Формально доступ на территорию центра свободный, однако въезд преграждает шлагбаум и пропускной пункт.

Такой характер возникновения – вне города и под воздействием внешних сил, – а также соотношение инновационного центра с окружающей территорией, – признаки Сколково как постгородского пространства – экзополиса.

На момент исследования в Сколково, несмотря на незавершенность строительства, было создано и функционировало большое количество инфраструктурных объектов: инженерные и транспортные сети, Технопарк, где располагаются офисы и лаборатории инновационных компаний, офисы управляющей компании, университет, жилой квартал, детский сад и гимназия, креативные и деловые пространства.

Исследование показало, что главными точками притяжения на территории выступают офисные здания, Сколтех и Технопарк. Все они представляют собой замкнутые, самодостаточные центры активности, связи между которыми носят эпизодический характер. На их изолированность указывают в первую очередь практики обитателей инновационного центра. Большинство информантов

отметили, что используют только один или два объекта на территории. Например, студенты, за редким исключением, посещают только здания Сколтеха.

Отсутствие взаимосвязи между объектами ведет к отсутствию различимой структуры пространства. Как и в экзополисе, в Сколково невозможно определить, где находится центр. Студенты считают центром университет, сотрудники инновационных компаний – здание Технопарка. При этом никто из информантов не назвал в качестве центрального места рекреационную зону, обозначенную в качестве таковой в генеральном плане.

Отсутствие связи между элементами пространства, а также единого представления о нем связаны со слабой коммуникацией между разными субъектами на территории.

Оказалось, что главная проблема – это коммуникационная, очень много субъектов находится на территории, и эти субъекты не имеют между собой никакого коннекта... никто не знал, что происходит в соседних зданиях, и как онистыкуются непонятно, что открыто, закрыто, в какое время, что, где. (Интервью с сотрудником фонда).

На преодоление этой разорванности и создание единого, распознаваемого всеми городского пространства направлены действия сотрудников управляющей компании или «создателей» Сколково.

Анализируя их «рецепт создания городской среды», мы рассматриваем *второе – ментальное – пространство Сколково*.

Действия, которые осуществляют сотрудники Фонда по конструированию городской среды в Сколково, основываются на совокупности представлений, – элементах ментального пространства. Они зафиксированы в документах, устанавливающих статус территории, основные принципы ее существования и развития. Основные документы – это федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об инновационном центре “Сколково”», градостроительная концепция и генеральный план Сколково, а также внутренние документы, разработанные органами управления Сколково.

В генеральном плане и внутренних документах Сколково зафиксированы представления создателей о том, что такое успешная городская среда и как ее создать. Следуя логике экзополиса,

документы фиксируют отход от традиционного градостроительства, создание нового, более совершенного пространства.

План инновационного центра является развитием и переосмыслением традиционных градостроительных концепций линейного города и нового урбанизма. Сколково формируется как цепь связанных и в то же время обладающих собственной индивидуальностью, вписанных в ландшафт компактных районов, в каждом из которых есть все необходимое для жизни и работы [Градостроительное... Б. г.].

Целью создателей Сколково становится *город будущего*, в котором воплощены все урбанистические идеалы: пешеходная доступность, экологичность, человеческий масштаб, «умный» дизайн, насыщенная культурная жизнь.

То, что было бы невыгодно и нереализуемо в традиционном городском пространстве, становится возможным в Сколково. Реализация незаурядных, но нерентабельных проектов, создание пространства «высокой» культуры потребления и определение набора практик, которые должны ему соответствовать – все эти возможности дает пластичная среда экзополиса.

Жилье в Сколково создается в соответствии с принципом человеческого масштаба и располагается в пешей доступности от мест приложения труда. Передвижение по центру должно осуществляться только на экологически безопасных видах транспорта.

Высокие стандарты потребления создатели Сколково ожидают и от его жителей. Сотрудники стремятся не только создать более совершенную материальную среду, но и сформировать на территории центра соответствующий ей образ жизни.

Здесь совершенно не хочется, чтобы был магазин с алкоголем и с какой-то вредной пищей, здесь не должно быть каких-то парковок снаружи, со временем кто-то из наших резидентов будет пускать такси-электромобили. (Интервью с сотрудником фонда).

Однако у традиционного города перед экзополисом есть одно важное преимущество – его история, без которой невозможно чувство принадлежности к месту. Сколково, задуманный и развиваемый как город, не может им стать в силу внеисторичности. Его историю, как основу локальной идентичности, создатели вынуждены конструировать.

Для этого в ход идут различные инструменты: установка арт-объектов, проведение фестивалей, массовых культурных и профессиональных событий, привлечение на территорию креативных предпринимателей.

...набираем пул известных компаний, которые имеют инструменты взаимодействия с аудиторией и которые помогут нам сделать место социально и культурно привлекательным. (Интервью с сотрудником фонда).

Обратимся, наконец, к проживаемому пространству Сколково. Все эти методы однако не находят отклика у обитателей территории – студентов и резидентов. Арт-объекты никак не связаны с их отношением к инновационному центру. Фестивали и концерты проходят в неудобное для них время и привлекают в основном жителей Москвы и других регионов. Привлечение креативных предпринимателей превращается для студентов в проблему высоких цен.

Столовая ужас какая дорогая! Пообедать стоит 300–400 рублей. Это как в кафе. На физтехе пообедать стоит 180 рублей, и когда физтехи туда приезжают, они говорят: «Господи, что за фигня?!» (Интервью со студентом Сколтеха).

В результате проживаемое пространство инновационного центра оказывается в оппозиции ментальному и физическому. На уровне повседневности не всегда получается следовать высоким стандартам, установленным создателями: инновационности, экологичности, здорового образа жизни и др. На территории курят и пользуются автомобилями с двигателями внутреннего сгорания, трансфер между объектами осуществляется с помощью маршрутов, – отнюдь не высокоэкологичных средств передвижения.

На стратегии создателей обитатели Сколково отвечают тактиками. Вместо того чтобы посещать места общественного питания на территории, студенты берут еду из дома. Большинство обитателей живет в съемном жилье в Москве или Московской области, так как урбанистически совершенное жилье Сколково оказывается недоступным по цене.

Интервьюер: Не думали арендовать жилье здесь?

Информант: Не думал, потому что это очень дорого. Мы хотели для сотрудника снимать однушку-студию, но самая дешевая – это ... в месяц, все-таки не можем себе позволить. (Интервью с резидентом Технопарка).

Разрыв между этими пространствами объясняет исчезновение границы не только между реальным, воображаемым и проживаемым, но и между настоящим и будущим. Ментальное пространство, или пространство создателей, относится к будущему, тогда как пространство повседневной жизни существует в настоящем.

Побочным эффектом тех преимуществ, которые предоставляет создание города «с чистого листа», оказывается невозможность согласовать представления об идеальном пространстве с повседневными практиками, интересами разных групп, сосуществующих на данной территории.

Так, Сколково, задуманное и развиваемое как городской ландшафт, оказывается аналогом описанного Э. Соджей экзополиса. Его пример показывает, что конструирование городской среды «сверху», без взаимодействия с непосредственными обитателями территории приводит к отсутствию единства между физическим, ментальным и проживаемым пространствами, без которого не может существовать городской культурный ландшафт.

Заключение

Культурный ландшафт в условиях планетарной урбанизации

Разрыв между тремя пространствами, выявленный на примере Сколково, – угроза, существующая для новых городских образований, которую необходимо предвидеть при их создании и развитии. Экзополис – это не обязательно конкретная географическая единица, но также свойство, которое может быть присуще любому градостроительному проекту.

Оно будет проявляться в пространствах, которые возникают в результате решения «сверху» как воплощение представлений об идеальном пространстве и собственных целей «сильных» групп – политиков, планировщиков или девелоперов. К таким пространствам у жителей не возникнет привязанности, а вместе с ней и чувства ответственности за их сохранение и улучшение.

Этот важный вывод наводит на мысль о том, что преобразования культурных ландшафтов в постсовременных условиях, новые их постгородские формы меняют само наше представление о том, что мы называем *городским* и, соответственно, *урбанизацией*.

В связи с этим в заключении необходимо вернуться к понятию *урбанистической революции*, введенному А. Лефевром [Lefebvre, 2003, р. 1–44]. Речь здесь идет о том, что с каждой новой революцией и в результате завершения критической зоны (см. выше) *город меняется*. Каждое общество создает свое собственное пространство и время, и постсовременное «определяется обновленным пространством-временем, топология которого отличается от аграрного (циклического и манифестирующего локальные различия) и индустриального (стремящегося к гомогенности, рациональной и планируемой универсальности) пространства-времени. Урбанизированное пространство-время <...> возникает как дифференцированное, с каждым местом в каждый момент времени существующим только в рамках единого целого, и проявляется через контрасты и оппозиции, которые соединяют его с и отличают его от всех остальных мест и моментов» [Lefebvre, 1991, р. 37]. Новое totally урбанизированное пространство *так же, как и индустриальное, имеет в своей основе города* – однако это *новые города*: «что-то, что заменяет то, что ранее было городом» [Lefebvre, 2003, р. 15]:

В это время все, что ранее было абсолютным, становится относительным: разум, история, государство, человечество. <...> Различия становятся известными и признаваемыми, манифестируемыми, познаваемыми и обозначаемыми. <...> Урбанизированное пространство есть полное противоречие [Lefebvre, 1991, р. 37–39].

Подобное изменение содержания городского без смены самого термина («город») и процесса («урбанизация») осмысляется в популярной (хотя и активно подвергающейся критике) концепции *планетарной урбанизации* [Brenner, Schmid, 2015].

В большинстве основных (*mainstream*) традиций городское рассматривается как эмпирически самоочевидная универсальная категория, обозначающая конкретный тип пространства населенного пункта, «города». <...> Мы считаем, что городское и тесно связанная с ним концепция урбанизации должны пониматься как теоретическая абстракция. Город может быть определен только путем концептуализации. «Городское», таким образом, есть теоретическая категория, а не эмпирический объект. Демаркация [этого понятия] как области мысли, презентации, воображения или действия может быть осуществлена только в

результате теоретической абстракции [Brenner, Schmid, 2015, p. 163].

С этой точки зрения мы становимся свидетелями не просто возникновения новых – постгородских – форм пространства и места на рубежах Новой Москвы и ближнего Подмосковья, в Сколково или в десятках других сконструированных «сверху» и отчаянно манифестирующих свою инаковость территориях. Происходит *трансформация содержания того, что мы называем урбанизацией и урбанизированными пространствами и местами*. Насколько мы можем судить по настоящему исследованию, концепция *культурного ландшафта*, преобразующаяся в результате этих процессов в рамках *критической географии*, сегодня позволяет по-новому осмысливать именно подобные постгородские тотально урбанизированные ландшафты – мир, в котором мы живем.

Список литературы

1. *Берг Л.С.* Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. – Петроград, 1915. – Т. 51, № 9. – С. 463–475.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. Градостроительное планирование [Электронный ресурс] / ИЦ «Сколково». – Режим доступа: http://sk.ru/city/p/general_plan.aspx
4. *Лебедева Н.А.* Инновационный центр «Сколково» как город: физическое, ментальное и социальное пространство: Дис. ... магистра градостроительства. – М.: Высшая школа урбанистики им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ, 2017. – 63 с.
5. Лучшее место для жизни и работы. – М.: ИЦ «Сколково», 2015. – 46 с.
6. *Медведев Д.А.* Россия, вперед! // Известия. – 2009. – 11.09, № 167.
7. *Митин И.И.* Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос) становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. – СПб., 2011 а. – № 4 (5). – С. 19–25.
8. *Митин И.И.* На путях воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. – Вильнюс, 2011 б. – № 1. – С. 62–73.
9. *Митин И.И.* Гуманитарная география: Проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и международном контекстах // Культурная и гуманитарная география. – М., 2012 а. – Т. 1, № 1. – С. 1–10.
10. *Митин И.И.* На путях к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века // Псковский региональный журнал. – Псков, 2012 б. – № 13. – С. 3–11.
11. *Митин И.И.* Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии:

- экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина, В.Н. Стрелецкого. – Ростов-н/Д: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. – С. 147–156.
12. *Митин И.И.* Новая Москва: конструирование нового локального дискурса // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2015. – № 2. – С. 71–82.
13. *Серто М. де.* Изобретение повседневности. Кн. 1: Искусство делать. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
14. *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмыслиения пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 519 с.
15. *Allen R.L.* The social-spatial making and marking of ‘Us’: Towards a critical post-modern spatial theory of difference and community // Social Identities. – 1999. – Vol. 5 (3). – P. 249–277.
16. *Brace C.* Landscape and identity // Studying Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson, P. Richards. – London: Arnold Publishers, 2003. – P. 121–140.
17. *Brenner N., Schmid C.* Towards a new epistemology of the urban? // City. – 2015. – Vol. 19 (2/3). – P. 151–182.
18. *Buser M.* The production of space in metropolitan regions: A Lefebvrian analysis of governance and spatial change // Planning Theory. – 2012. – Vol. 11 (3). – P. 279–298.
19. *Cosgrove D., Jackson P.* New directions in cultural geography // Area. – 1987. – Vol. 19, N 2. – P. 95–101.
20. Cultural Geography: A Critical Dictionary of Key Concepts / Ed. by D. Atkinson, P. Jackson, D. Sibley, N. Washbourne. – London; N.Y.: I.B. Tauris, 2005. – 222 p.
21. *Harvey D.* Social Justice and the City. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. – 336 p.
22. *Jeans D.N.* Some literary examples of humanistic descriptions of place // Australian geographer. – 1979. – Vol. 14, N 4. – P. 207–214.
23. *Lacoste Y.* La géographie, ça sert, d’abord, à faire la guerre. – Paris: François Maspero, 1976. – 187 p.
24. *Lacoste Y.* Rivalries for Territory // Geopolitics. – 2000. – Vol. 5, N 2. – P. 120–159.
25. *Lees L.* Rematerializing geography: The ‘new’ urban geography // Progress in Human Geography. – 2002. – Vol. 26, N 1. – P. 101–112.
26. *Lefebvre H.* The Production of Space. – Oxford: Blackwell, 1991. – 454 p.
27. *Lefebvre H.* Writings on Cities / Selected, translated & introduced by E. Kofman & E. Lebas. – Oxford: Blackwell, 2000. – 250 p.
28. *Lefebvre H.* Urban revolution. – Minneapolis: Minnesota University Press, 2003. – 196 p.
29. *Massey D.* Spatial Divisions of Labour: Social Structures and the Geography of Production. – London: Macmillan, 1984. – 412 p.
30. *Price M., Lewis M.* The reinvention of cultural geography // Annals of the Association of American Geographers. – 1993. – Vol. 83, N 1. – P. 1–17.
31. *Robertson I., Richards P.* Introduction // Studying Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson, P. Richards. – London: Arnold Publishers, 2003. – P. 1–18.
32. *Rowntree L.B., Conkey M.W.* Symbolism and cultural landscape // Annals of the Association of American Geographers. – 1980. – Vol. 70, N 4. – P. 459–474.

33. *Sauer C.O. The morphology of landscape* // Sauer C.O. *Land and Life* / Ed. by J. Leighly. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1963. – P. 315–350.
34. *Smart cities. Development and governance frameworks* / Ed. by Z. Mahmood. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – 323 p.
35. *Smith N. Uneven Development: Nature, Capital, and the Production of Space*. – Oxford: Blackwell, 1984. – 328 p.
36. *Soja E.W. Postmetropolis: Critical studies of cities and regions*. – Oxford; Malden, MA: Blackwell, 2000. – 440 p.
37. *Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places*. – Malden, MA; Oxford; Carlton: Blackwell Publishers, 1996. – 332 p.
38. *Thrift N. Space // Theory, Culture & Society*. – 2006. – Vol. 23, N 2/3. – P. 139–155.
39. *Tuan Y.-F. Space and Place. The Perspective of Experience*. – 9 th ed. – Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2002. – 236 p.

References

1. *Berg L.S. Predmet i zadachi geografii* [The subject and tasks of geography] // *Izvestiya IRGO*. – Petrograd, 1915. – Vol. 51, N 9. – S. 463–475.
2. *Baudrillard J. Simulyakry i simulyaciya* [Simulacra and Simulation]. – Tula: Tul'skiy poligrafist, 2013. – 204 s.
3. *Gradostroitel'noe planirovanie* [Urban Planning] / Skolkovo Innovation Centre. Retrieved from. – Rezhim dostupa: http://sk.ru/city/p/general_plan.aspx.
4. *Lebedeva N.A. Innovacionnyj centr «Skolkovo» kak gorod: fizicheskoe, mental'noe i social'noe prostranstvo* [Skolkovo Innovation Centre as a city: physical, mental and social spaces] / MA Thesis. – M.: Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics, 2017. – 63 s.
5. *Luchshee mesto dlya zhizni i raboty* [The best place to live and work]. – Moscow: Skolkovo Innovation Centre, 2015. – 46 s.
6. *Medvedev D.A. Rossiya, vpered!* [Go Russia!] // *Izvestiya*. – 2009. – 11.09, N 167.
7. *Mitin I.I. Kul'turnaya geografiya v SSSR i postsovetskoy Rossii: istoriya (vos)stanovleniya i faktory samobytnosti* // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*. – SPb., 2011 a. – N 4 (5). – S. 19–25.
8. *Mitin I.I. Na puti k voobrazhaemoj geografii: dva poverota, tri prostranstva* [On the way towards imaginary geography: two turns, three spaces] // *Topos*. – Vil'nyus, 2011 b. – N 1. – S. 62–73.
9. *Mitin I.I. Gumanitarnaya geografiya: Problemy terminologii i (samo)identifikacii v rossiskom i mezhdunarodnom kontekstah* [GeoHumanities: terminology & (self-)identity problems in Russian & international contexts] // *Cultural Geography & Geohumanities*. – M., 2012 a. – Vol. 1, N 1. – S. 1–10.
10. *Mitin I.I. Na puti k regional'noj kul'turnoj geografii: opyt anglo-amerikanskikh geografov XX veka* [On the way towards regional cultural geography: the experi-

- ence of Anglo-American geographers of the XXth century] // Pskov Regional Science Journal. – Pskov, 2012 b. – N 13. – S. 3–11.
11. *Mitin I.I. Mesto kak palimpsest: mifogeograficheskij podhod v kul'turnoj geografii* [Place as a palimpsest: Mythogeographic approach in cultural geography] // Fenomen kul'tury v rossijskoj obshchestvennoj geografii: ehkspertnye mneniya, analitika, koncepty [The Phenomenon of Culture in Russian Human Geography: expert opinions, analytics, concepts] / Ed. by A.G. Druzhinin, V.N. Streletsy. – Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2014. – S. 147–156.
 12. *Mitin I.I. Novaya Moskva: konstruirovaniye novogo lokal'nogo diskursa* [New Moscow: Constructing a new local discourse] // Labyrinth. Journal of Philosophy & Social Sciences. – Ivanovo, 2015. – N 2. – S. 71–82.
 13. *Certeau M. de. Izobretenie povsednevnosti* [The Practice of Everyday Life]. Book 1: *Iskusstvo delat'*. – St. Petersburg: European University Press, 2013. – 330 s.
 14. *Trubina E.G. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [City in Theory: the Experiences of Understanding Space]. – Moscow: New Literary Review, 2011. – 519 s.
 15. *Allen R.L. The social-spatial making and marking of 'Us': Towards a critical post-modern spatial theory of difference and community* // Social Identities. – 1999. – Vol. 5 (3). – P. 249–277.
 16. *Brace C. Landscape and identity* // Studying Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson, P. Richards. – London: Arnold Publishers, 2003. – P. 121–140.
 17. *Brenner N., Schmid C. Towards a new epistemology of the urban?* // City. – 2015. – Vol. 19 (2–3). – P. 151–182.
 18. *Buser M. The production of space in metropolitan regions: A Lefebvrian analysis of governance and spatial change* // Planning Theory. – 2012. – Vol. 11 (3). – P. 279–298.
 19. *Cosgrove D., Jackson P. New directions in cultural geography* // Area. – 1987. – Vol. 19, N 2. – P. 95–101.
 20. *Cultural Geography: A Critical Dictionary of Key Concepts* / Ed. by D. Atkinson, P. Jackson, D. Sibley, N. Washbourne. London. – New York: I.B. Tauris, 2005. – 222 p.
 21. *Harvey D. Social Justice and the City.* – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. – 336 p.
 22. *Jeans D.N. Some literary examples of humanistic descriptions of place* // Australian geographer. – 1979. – Vol. 14, N 4. – P. 207–214.
 23. *Lacoste Y. La géographie, ça sert, d'abord, à faire la guerre.* – Paris: François Maspero, 1976. – 187 p.
 24. *Lacoste Y. Rivalries for Territory* // Geopolitics. – 2000. – Vol. 5. – N 2. – P. 120–159.
 25. *Lees L. Rematerializing geography: The 'new' urban geography* // Progress in Human Geography. – 2002. – Vol. 26, N 1. – P. 101–112.
 26. *Lefebvre H. The Production of Space.* – Oxford: Blackwell, 1991. – 454 p.
 27. *Lefebvre H. Writings on Cities* / Selected, translated & introduced by E. Kofman & E. Lebas. – Oxford: Blackwell, 2000. – 250 p.
 28. *Lefebvre H. Urban revolution.* – Minneapolis: Minnesota University Press, 2003. – 196 p.

-
29. *Massey D.* Spatial Divisions of Labour: Social Structures and the Geography of Production. – London: Macmillan, 1984. – 412 p.
 30. *Price M., Lewis M.* The reinvention of cultural geography // Annals of the Association of American Geographers. – 1993. – Vol. 83, N 1. – P. 1–17.
 31. *Robertson I., Richards P.* Introduction // Studying Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson, P. Richards. – London: Arnold Publishers, 2003. – P. 1–18.
 32. *Rowntree L.B., Conkey M.W.* Symbolism and cultural landscape // Annals of the Association of American Geographers. – 1980. – Vol. 70, N 4. – P. 459–474.
 33. *Sauer C.O.* The morphology of landscape // Sauer C.O. Land and Life / Ed. by J. Leighly. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1963. – P. 315–350.
 34. Smart cities. Development and governance frameworks / Ed. by Z. Mahmood. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – 323 p.
 35. *Smith N.* Uneven Development: Nature, Capital, and the Production of Space. – Oxford: Blackwell, 1984. – 328 p.
 36. *Soja E.W.* Postmetropolis: Critical studies of cities and regions. – Oxford; Malden, MA: Blackwell, 2000. – 440 p.
 37. *Soja E.W.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. – Malden, MA; Oxford; Carllton: Blackwell Publishers, 1996. – 332 p.
 38. *Thrift N.* Space // Theory, Culture & Society. – 2006. – Vol. 23. – N 2–3. – P. 139–155.
 39. *Tuan Y.-F.* Space and Place. The Perspective of Experience. – 9 th ed. – Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2002. – 236 p.